

Великий русский драматург

(К 65-летию со дня смерти А. Н. Островского)

12 апреля 1823 года в глуши Замоскворечья в семье московского чиновника родился будущий великий русский драматический писатель, составивший неувядающую славу нашего отечественного театрального искусства.

Островскому было 24 года, когда он начал свой творческий путь, явившись впервые в кружок профессора Московского университета Погодина со своей сатирической комедией «Свои люди — сочтемся» или «Банкрот», как она называлась вначале. «Он начал необыкновенно», — говорил впоследствии Тургенев. Слава о новом, замечательном, огромном таланте из узких литературных кругов постепенно проникла в более широкие слои общества.

Много лет прожил великий писатель в Замоскворечье. Он в совершенстве знал быт мещан, чиновников, ремесленников. Огромные жизненные впечатления, наблюдения принесла Островскому его служба в московском советном суде и в канцелярии московского коммерческого суда. Совершенное знание жизни лежит в основе всех произведений великого драматурга. Это знание дало силу и уверенность его сатирическому обличению, яркость и самобытность его мастерству.

Передовые по литературному образованию люди того времени сразу поставили Островского рядом с Фонвизиним, Грибоедовым, Гоголем. Они увидели в нем талант подлинно русский, великодушный, обнадёживающий. До Островского только «Недоросль», «Горе от ума» и «Ревизор» возвышались громадными монументами в русской драматургии. В день тридцатилетнего юбилея драматурга Гончаров писал ему: «Вы одни достроили здание, в основании которого положили краеугольные камни Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться «Театр Островского»».

Островский не отделял драматургию от театра и всю свою жизнь посвятил непрестанной, последовательной, удивительно целеустремленной борьбе за наш русский театр, за его широкую народность, за его реалистическое направление. Он один имел в то время право сказать в своей автобиографической записке, что у русского драматического театра один только он был и академией, и менажером, и защитой.

Да, Островский был академией русского театра и, прежде всего, Малого театра. За 39 лет своей драматической деятельности он был душой и школой, высшим эстетическим вкусом и целым направлением для лучших артистов Малого театра. И эта сторона деятельности Островского достойна быть названной патриотическим подвигом.

Не наименьшим и полупросвещенным человеком пришел в театр Островский. Он принес на сцену русскую жизнь — в этом было его «новое слово», и он прекрасно понимал, что за это новое слово еще придется побороться. В 1869 году в одном из писем к больному Некрасову Островский писал: «Как Вам умирать? С кем же тогда мне идти в литературу? Ведь мы с Вами только двое настоящие народные поэты, мы только двое знаем его, умеем любить его и сердцем чувствовать его нужды без шаблонного западничества и детского славянофильства».

Эти слова Островский произнес по праву, он действительно всю свою жизнь отдал служению русскому народу. «...Близость к народу», — писал он, — «нисколько не унижает драматической поэзии, а, напротив, удваивает ее силы и не дает ей оплошиться и измельчать; и только те произведения пережили века, которые были истинно-народными у себя дома, такие произведения современем делаются понятными и ценными для других народов, а, наконец, для всего света».

В этих точных словах — целая программа развития искусства. Эти благородные, чистые принципы остались прогрессивными и действительными до наших дней.

Обличение «темного царства», уродливое мира собственничества, начатое уже в первой пьесе драматурга «Свои люди — сочтемся», стало одной из ведущих тем его творчества. Он привел на сцену, поставил перед судом народа русских купцов-самодуров, рассказал, как имущественные отношения приводят к разложению личности, потере человеческого облика. Писатель показал, что преступления Большовых и Подхалюзиных — не личные свойства их характера, а, как писал Добролюбов, «неизбежные результаты тех обстоятельств, посредии которых проходит их жизнь». По словам великого критика, пьеса Островского убеждала зрителя в том, что самодур «бессилен и ничтожен сам по себе; его можно обмануть, устранить, засадить в яму наконец... Но дело в том, что с уничтожением его не исчезнет самодурство».

Неудивительно, что московские купцы встретили в штаны первую

пьесу Островского. Они особенно возмутились тем, что жуликами в пьесе были показаны люди с их точки зрения «достопочтенные» и «уважаемые». «Все они кругом мошенники, а на нас слава», — говорит Большов.

Комедия была запрещена. Островского взяли под особое наблюдение полиции, которое продолжалось в течение пяти лет.

Путь драматурга не был гладким

и простым. Мы знаем о серьезных колебаниях в его творчестве, которые, правда, были не длительными. Эти колебания относятся к 1852—1855 годам, когда Островский отказался от смелого и острого обличения мира собственников, сблизился со славянофилами, которые видели в купечестве «старую извечную Русь», «залог будущего России». Некоторое отражение эти взгляды нашли в пьесах «Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочешь». Здесь драматург пытается нарисовать положительные образы купцов, например, купца Русакова в комедии «Не в свои сани не садись».

Однако нельзя говорить о полном тождестве взглядов Островского с идеями славянофильства. Его произведение, написанные в эти годы, были значительно шире. Неслучайно реалистическая струя в этих комедиях, их связь с традициями Гоголя и «натуральной школы» вызывали возражения таких представителей славянофильства, как Ап. Григорьев, Т. Филиппов.

Очень скоро Островский покинул кружок славянофилов. Начинается сближение великого драматурга с русскими революционерами-демократами. Он знакомится с Некрасовым и свои последующие пьесы печатает в боевом журнале русских демократов — «Современнике».

Все свои силы писатель отдает созданию русской реалистической комедии. Он бичует деспотизм, дикость, невежество купечества, показывает страшную участь в этом мире «маленьких людей».

Имя купца-самодура Тит Титыча Брускува, героя комедии «В чужом пиру похмелье», стало нарицательным. Объясняя характер этого типичного самодура, Аграфена Платоновна говорит: «Самодур — это называется, коли вот человек никого не слушает, ты ему хоть кол на голове теши, а он все свое. Топнет ногой, скажет: Кто я? Тут уж все домашние ему в ноги должны, так и лежать, а то беда...».

Постепенно расширяется круг тем великого драматурга. В его творчестве отражаются новые стороны жизни, новые слои русского общества.

Резкой критике русского чиновничества, бюрократии посвящена комедия «Доходное место». «Замечательна эта новая пьеса в том отношении», — писал Чернышевский, — «что тут г. Островский изображает круг, не имеющий ничего общего с купеческим бытом, нравами которого до сих пор он почти исключительно занимался».

Драматург показал, что взятничество, как паутина, охватывает мир российского чиновничества, это — не просто недостаток, это система жизни, ее уклад, без которого невозможно существование всех этих Юсовых и Вышневиких. Стремления мечтателя Жадова победить этот страшный мир кончаются крахом. Он понимает свое бессилие и отравляется к дядюшке просить доходного места.

В дальнейшем в своих пьесах 70—80 гг. Островский выводит на сцену не только самодуров-купцов, но и представителей «европеизированной» буржуазии («Бешеные деньги», «Волки и овцы» и другие). Драматург писал: «Слова песни «Под Самарой разбойничьи шалют» — не совсем справедливы; разбойников теперь нет, нельзя, век прогресса, теперь поборы с судов производятся инженерами водяной коммуниции, а не разбойниками, все-таки шаг вперед; не знаю, выгодно ли стало судохозяевам, да мало ль чего! Что на них смотреть! Разбойник мужик необразованный, у него и потребности незначительные, оттого он и брал меньше...».

Островский создал пьесы, в которых показал паразитическое существование русских дворян, их вырождение, затхлую, тупую жизнь в помещичьей усадьбе («Воспитанница», «На всякого мудреца довольно простоты», «Лес»).

Но драматург никогда не ограничивался бичеванием уродливых сторон действительности. В большинстве своих пьес он создавал также образы скромных, честных русских людей, стремящихся к правде и справедливости, людей с «горячим сердцем» и цельным характером. «Лучом света в темном царстве» назвал Добролюбов образ Катерины в «Грозе» Островского. «Гроза», — писал Добролюбов, — «есть, без сомнения, самое решительное произведение Островского; взаимные отношения самодурства и безгласности доведены в ней до самых трагических последствий». Страшному миру Кабановых и Диних противостоит светлый образ Катерины, с его подлинной народностью, честностью, поэтичностью природы. Катерина восстала против самодурства, стремясь защитить свое право на счастье и любовь. По словам Добролюбова, образ Катерины «самоотвержен в том смысле, что ему лучше гибель, чем жизнь при тех началах, которые ему противны... В Катерине видим мы протест против кабановских понятий о нравственности, протест, доведенный до конца, провозглашенный и под домашней пыткой, и над бездной, в которую бросилась бедная женщина».

Мечта о чистой любви, нормальных человеческих отношениях составляет основное содержание образа Ларисы в пьесе «Бесприданница». Стремление к честности и человечности, желание «жить по правде», «другим на пользу» определяет характер таких образов, как Мелузов («Таланты и поклонники»), Платон Зыбин («Правда хорошо, а счастье лучше»), Параша («Горячее сердце»), Людмила («Поздняя любовь») и другие. Особенно характерно это стремление к чистой, справедливой жизни для актеров, выведенных в пьесах Островского, — Несчастливцева, Кручинной, Незнамова.

Жаждой светлого, поэтического начала продиктована весенняя сказка Островского «Снегурочка» с ее гимном солнцу, любви, радостям жизни.

В поисках сильного героического характера Островский обращается к прошлому нашей Родины и создает ряд исторических драм: «Нозьма Захарыч Минин, Сухорук», «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино», «Василиса Мелентьева».

Островский был величайшим труженником, он считал, что писатель обязан работать столько, сколько хватит сил. За 40 лет своей трудовой литературной деятельности он написал около 50 оригинальных пьес, пять — в содружестве с другими авторами и еще создал ряд переводов из Шекспира, Сервантеса и других. Он по справедливости считается основоположником русской классической драматургии.

Никогда не отрывался он от родной почвы, не поддавался чужим влияниям, всегда писал одну только правду, не мудрил, не сочинительствовал, любил жизнь, учился у жизни.

Островский был и остается непревзойденным мастером драматургии, смелым новатором. Его умение построить сюжет драматургического произведения, всесторонне раскрыть образы, его яркий, подлинно народный язык являются образцом для всех драматургов.

Писателя приводило в негодование преклонение перед иностранщиной. Поразительно, что в те времена, когда буржуазный класс только складывался в России, он сразу и надолго вперед оценил его вкусы, его потребности, его пагубное влияние на искусство вообще. Он прямо противопоставил буржуазный театр — театру русскому, общенародному. Дарованием художника, глубочайшим знанием своего народа он, по существу, предсказал, что наша русская драма и наш театр не пойдут путем буржуазного искусства.

Островский стремился к созданию народного национального искусства. Он утверждал: «Национальный театр — есть признак совершеннолетия нации, как академия, университеты, музеи».

Замечательное патриотическое творчество гениального драматурга навсегда вошло в сокровищницу русского искусства.

Можно без всяких преувеличений сказать, что только в советское время драматургия Островского получила всенародную сцену, о которой и не мог мечтать великий драматург. И не только широкие народные массы русских людей увидели пьесы Островского. Наша многонациональная культура приобщилась к своим сокровищницам творчество Островского, и он сделался одним из любимых драматургов в Грузии и на Украине, в Татарии и Узбекистане — всюду в республиках братских народов СССР.

Николай ПОГОДИН.